

ГЕРМАН АДОЛЬФ РАУШНИНГ

ГОВОРIT ГИТЛЕР. ЗВЕРЬ
ИЗ БЕЗДНЫ

**Герман Адольф Рейнгольд Раушнинг
Говорит Гитлер.
Зверь из бездны
Серия «Взлёт и падение
Третьего рейха»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64004816

Г. Раушнинг. Говорит Гитлер. Зверь из бездны: ООО «Издательство

Родина»; Москва; 2021

ISBN 978-5-00180-003-3

Аннотация

Г. Раушнинг был президентом сената Свободного города Данцига и состоял в ближайшем окружении Гитлера. Разочаровавшись в нацизме, этот бывший сподвижник фюрера опубликовал в Лондоне книгу «Говорит Гитлер», которая полностью состоит из дословно воспроизведенных речей в узком кругу посвященных – случай в практике тайных обществ редчайший, – и вслед за ней «Зверь из бездны», – название последней говорит само за себя.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Говорит Гитлер	5
Предисловие	5
Будущая война	9
Вечер и утро на Оберзальцберге	27
Восточная политика и новая германская аристократия	50
Антихристианин	72
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Герман Раушнинг Говорит Гитлер. Зверь из бездны

© Раушнинг Г. 2021

© Гайдук Д., перевод, 2021

© Егазаров А., перевод, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

*«Кто подобен зверю, и кто может сразиться с
ним?»*

Откровение Иоанна. Гл. 13; 4

Говорит Гитлер

Предисловие

Если Гитлер победит¹... Я полагаю, никто не имеет даже самого отдаленного представления о всемирном революционном перевороте, который произойдет после этого. Не в одной лишь Европе – во всем мире рухнут все внешние и внутренние порядки. Случится то, чего никогда не случилось прежде в истории человечества: всеобщее крушение Порядка как такового!

Сокрушить мир – вот цель недавно начатой войны. Гитлер убежден, что ему нужна лишь одна победоносная война, чтобы преобразовать всю Землю согласно своей воле. Безумная мысль. Но историческая сила, руководимая ложными творческими амбициями, способна, по крайней мере, на одно: превратить весь мир в руины.

В «Майн Кампф» не написано о том, чего на самом деле хочет Гитлер и что должен совершить национал-социализм. Эта книга – для масс. Но у национал-социализма есть и тайное учение. Оно преподается и разрабатывается в определенных кругах весьма малочисленной элиты. В СС, «Гитле-

¹ Книга была написана в 1939 году – Прим. ред.

рюгенд», в кругах политического руководства, во всех кадровых организациях есть слой обычных членов – и группа посвященных.

Только узким кругам посвященных известно, чего на самом деле хочет Гитлер и что такое национал-социализм. Только в узком кругу Гитлер более откровенно высказывался о своих политических и социальных целях. Находясь в одном из таких узких кругов, я слышал все это из его собственных уст.

Если бы эти «Разговоры» были опубликованы еще полгода назад, меня обвинили бы в злобных измышлениях и клевете. Даже намеки, не говорившие ни слова по существу, возбуждали удивление и недоверие. Выпустив в свет «Революцию нигилизма», автор этих строк снова вынужден был выслушивать упреки, будто его утверждения противоречат тому, что ясно сказано в «Майн Кампф» о целях национал-социализма. В частности, относительно союза между национал-социализмом и Советской Россией. То, что я недвусмысленно сообщал об истинных целях Гитлера, никто не принимал всерьез, пока в национал-социализме видели только немецкое националистическое движение, которое борется против некоторых наиболее тяжелых условий Версальского договора. Только сейчас мир созрел для того, чтобы увидеть Гитлера и гитлеровцев такими, каковы они на самом деле: апокалипсическими всадниками гибели мира.

Эти разговоры с Гитлером аутентичны. Они состоялись в

последний год борьбы за власть и в первые два года (1933/34) господства национал-социалистов. Автор этих строк почти всегда делал свои записи непосредственно под впечатлением услышанного. Многие из них можно считать почти дословными. Здесь Гитлер в кругу доверенных лиц свободно высказывает свои истинные мысли, скрываемые от масс. Эти высказывания, конечно же, принадлежат человеку «ненормальному» в общепринятом смысле слова. Но какими бы дикими ни казались его идеи, они несут в себе некий отзвук, который мы расслышали только теперь, – отзвук демонического голоса разрушения.

Здесь один человек приводит к абсурду целую эпоху. Перед нами зеркало, в котором мы должны узнать себя – искаженными, но с долей нашей собственной сущности. И это касается не только немцев. Гитлер – это проявление не одного лишь пангерманизма, а всей нашей пораженной слепотой эпохи. Здесь один человек, весьма ограниченный, раб в глубине своих инстинктов, подобно Дон Кихоту, воспринимает буквально все то, что до сих пор было для прочих лишь духовным искушением.

Поэтому – если Гитлер победит – изменятся не только государственные границы. Исчезнет все, что до сих пор считалось смыслом и ценностью человечества. И поэтому война с Гитлером касается каждого. Это не европейская война из-за политических проблем. Это «Зверь из бездны» вырвался наружу. И мы все, к каким бы нациям мы ни принадлежа-

ли, и немцы в том числе, именно немцы в первую очередь, – связаны одной целью: закрыть эту бездну.

Будущая война

«Будущая война будет выглядеть совсем иначе, чем прошлая мировая война. Пехотные атаки и массовые кампании уже не представляют интереса. Больше не будем годами застревать в окопах по всему фронту. Я вам гарантирую. Это было вырождением войны. – Взгляд Гитлера сделался пристальным, с маленькой остекленной веранды своего дома он смотрел на крутые склоны гор. – Мы будем действовать свободно – и снова обретем превосходство».

«Господин Гитлер, вы полагаете, что Германия подготовила секретные изобретения, которые способны сломать любое сопротивление, перед которыми не устоит даже французская „линия Мажино“?» – Альберт Форстер, гауляйтер Данцига, подмигнул мне – сейчас Гитлер усядется на своего любимого конька.

«Секретные изобретения заготовлены у всех армий. Но я сомневаюсь, что они имеют какое-либо значение, – ответил Гитлер. – Но это едва ли относится к нашим новым броневойным снарядам».

«И к применению электричества на войне – разве неправда, что оно создает принципиально новые возможности для атаки? – возразил Форстер. – А новые отравляющие газы, а бактериологическое оружие? Будут ли бактерии применяться в качестве оружия в будущей войне?»

«Народ, незаконно лишенный своих прав, может применять любое оружие, в том числе и бактериологическое. – Голос Гитлера стал громче. – Я не испытываю угрызений совести и возьму то оружие, которое мне нужно. Новые отравляющие газы ужасны. Но нет никакого различия между медленной смертью за колючей проволокой и предсмертными мучениями пораженных газом или бактериями. В будущем народ восстанет на народ, а не армия на вражескую армию. Мы будем ослаблять физическое здоровье нашего противника, так же как мы ослабляем морально его волю к сопротивлению. Я думаю, впрочем, что у бактериологического оружия есть будущее. Мы еще не так далеко продвинулись, но уже производятся опыты. Я слышал, что они проходят успешно. Но применение этого оружия ограничено. Его значение – в истощении противника ДО войны. Наша основная война, впрочем, должна закончиться еще ДО начала военных действий. Я считаю, мы победим таким образом враждебную Англию. Или Америку».

«Мой фюрер, вы полагаете, что Америка снова будет вмешиваться в европейские дела?» – спросил третий из нас, молодой командир данцигских штурмовиков.

Альберт Мария Форстер (1902–1952) партийный деятель

НСДАП, гауляйтер Данцига (15 октября 1930 года – 7 октября 1939 года), гауляйтер и рейхсштатгальтер рейхсгау Данциг – Западная Пруссия (26 октября 1939 года – 8 мая 1945 года)

«Мы в любом случае будем препятствовать тому, чтобы она снова делала такие попытки. Есть новое оружие, которое на них подействует. Америка уже давно стоит на грани революции. Мне будет легко вызвать в Соединенных Штатах мятежи и беспорядки, так что у этих господ будет достаточно хлопот с собственными делами. Нам они в Европе не нужны».

«Вы сказали, противник будет заражен бактериями еще до войны. Как это можно сделать, когда кругом мир?» – спросил Форстер.

«С помощью агентов, безобидных туристов, это все еще самое надежное средство, единственно действенное в настоящее время, – продолжал Гитлер. – Кстати, вам следовало бы иметь в виду, что пройдет несколько недель, если не больше, пока размеры эпидемии станут заметны. Очевидно, бактерии могут применяться и в разгар войны, а именно когда сопротивление противника пошатнется».

Наша беседа коснулась некоторых подробностей будущей газовой и бактериологической войны. Мы сидели на тесноватой веранде дома Вахенфельд на Оберзальцберге. Великолепный волкодав Гитлера лежал у его ног. Над приветливым

зеленым косогором по ту сторону долины мерцали силуэты гор. Волшебное августовское утро дышало той терпкой, напоминающей о близкой осени ясностью, что всегда бодрит в Баварских горах. Гитлер напевал мотивы из опер Вагнера. Мне казалось, что он рассеян, лишен внутреннего равновесия. Едва собравшись что-то сказать, он тут же погружался в угрюмое молчание. Впрочем, время было трудное: национал-социализм приближался к своему самому тяжелому кризису. Партия попала в отчаянное положение. Но в каждом слове Гитлера звучала твердая убежденность в том, что он скоро будет у власти и поставит немецкий народ перед лицом новой судьбы. Мы говорили об окончании первой мировой войны – о том, какой трагедией обернулись для Германии все ее победы.

«Мы не капитулируем никогда, – воскликнул Гитлер. – Может быть, мы погибнем. Но мы возьмем с собой весь мир. „Муспилли. Мировой пожар“».

Он напел тему из «Гибели богов». Наш юный друг из СА прервал молчание: по его мнению, наши противники тогда имели превосходство в вооружении – именно поэтому война закончилась для нас столь неудачно.

«От вооружения ничего не зависит, все и всегда зависит от людей», – указал ему Гитлер.

«Однако же новые изобретения и более совершенное оружие решают судьбы целых наций и классов. Не из этого ли вы исходили, мой фюрер, когда только что сказали, что бу-

дущая война будет происходить совсем иначе, чем предыдущая? Новое оружие, передовая техника изменят сам ход войны. Они отправят всю стратегию на свалку. А Германия сейчас как раз имеет превосходство в вооружении и передовой технике».

«Нет, стратегия не изменяется. По крайней мере, из-за новой техники. Это не так. – Гитлер оживился. – Что изменилось со времен битвы при Каннах? Что изменилось в законах стратегии в средние века благодаря изобретению пороха? Я сомневаюсь, что технические новшества имеют значение. Не бывало еще технических нововведений, способных надолго изменить законы ведения войны. За каждым изобретением по пятам идет следующее, которое сводит к нулю воздействие предыдущего. Конечно, военная техника развивается, и она еще создаст много новинок, пока не достигнет абсолютного верхнего предела разрушительности. Но все это может обеспечить только временное превосходство».

Адольф Гитлер – солдат Западного фронта, ноябрь 1914 года

Адольф Гитлер уклонился от службы в австрийской армии, поскольку она была «негерманской». Но когда в августе

1914-го в войну вступила Германская империя, Гитлер записался добровольцем в Мюнхене. Война была для него великим, решающим событием, но он едва ли мог поделиться своими чувствами с однополчанами. Они высмеивали его за недружелюбность, нелюдимый характер, за то, что он не принимал участия в обычных развлечениях и проводил целые часы в одиноких мечтаниях

Подошел Гесс, в то время личный секретарь Гитлера, который отлучился в начале беседы.

«Очевидно, господам не совсем ясно, каким образом Германия в будущем избежит многолетней позиционной войны, если технических новшеств для военного дела столь мало», — разъяснил Гесс.

«А кто сказал, что я вообще начну войну, как те идиоты в 1914-м? Разве все наши старания не направлены как раз на то, чтобы этому помешать? У большинства людей просто нет фантазии. — Лицо Гитлера исказилось презрительной гримасой. — Они могут представить себе грядущее только в образах, взятых из собственного мизерного опыта. Они не видят ничего нового, ошеломляющего. Генералы тоже бесплодны. Они запутались в своих профессиональных познаниях. Творческий гений всегда находится вне круга специалистов. Я обладаю даром сводить проблему к ее элементарной сущности. Из войны сделали тайную науку. Ее окружили торжественной суетой. Война — это самое естественное, са-

мое повседневное. Война – всегда, война – повсюду. Ей нету начала, в ней нет перемирия. Война – это жизнь. Война – это любая борьба. Война – это древнейшее состояние. Вернемся к примитивным действиям тех же дикарей. Что есть война, как не коварство, жульничество, обман, как не атака и удар из засады? Люди убивают друг друга только тогда, когда они не могут найти другого выхода. Купцы, разбойники, воины – прежде все было едино. Есть расширенная стратегия, есть война духовными средствами. В чем цель войны, Форстер? Чтобы противник капитулировал. Если он это сделает, у меня будет возможность уничтожить его целиком. Зачем мне деморализовать его военным путем, если я могу сделать это другим способом, дешевле и лучше?»

И тут Гитлер развил перед нами основы своей военной стратегии, которые он затем многократно опробовал на практике. В то время это было необычное и не очень ясное учение. Было заметно, что он долго и тщательно занимался этим вопросом. Он ощущал себя новым великим стратегом, будущим полководцем – в новом и до сих пор неслыханном смысле этого слова.

«Если я возьмусь воевать, Форстер, то в один прекрасный мирный день я просто введу войска в Париж. На них будет французская форма. Они будут маршировать по улицам среди бела дня. Никто не задержит их. Они промаршируют к зданию Генштаба. Они займут министерства, парламент. За несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехослова-

кия лишатся своих лидеров. Армия – без Генштаба. Все политическое руководство – в отставке. Возникнет небывалое замешательство. Но я уже давно связан с людьми, которые образуют новое правительство. Правительство, которое мне подходит. Мы находим таких людей, мы находим их в любой стране. Нам не приходится их покупать. Они приходят сами по себе. Их толкают к нам честолюбие и слепота, невежество и внутривластные склоки. Мы заключим мир прежде, чем начнем войну. Я вам гарантирую, господа: невозможное всегда выигрывает. Невероятное – надежней всего. У нас будет достаточно добровольцев, таких как наши штурмовики, – молчаливых и готовых к самопожертвованию. Мы перебросим их через границу в мирное время. Конечно, никто из них ничем не будет отличаться от обычного туриста. Сегодня это кажется вам невероятным, господа. Но я буду проводить эту линию, шаг за шагом. Возможно, мы высадимся на аэродромах. Мы будем перевозить по воздуху не только бойцов, но и вооружение. Нас не остановит никакая линия Мажино. Наша стратегия, Форстер, – уничтожить врага изнутри, чтобы он сам себя побеждал».

«Две недели назад, – прошептал Форстер, – он представил генералам в Восточной Пруссии новый план обороны от нападения Польши. Они приняли этот план. Гитлер – гений, он специалист во всех сферах».

Линсмайер, наш командир штурмовиков, попросил Гитлера сфотографироваться с нами. Мы встали и вышли на

косогор перед домом. Гесс сфотографировал нас, с Гитлером в центре. Мы немного прошли по дорожке, в то время еще узкой, сразу за домом уводившей в близлежащий лес. Я взглянул на гостиницу «У турков», стоявшую напротив. Там собрались постояльцы, они направляли вверх свои бинокли. Гесс указал на зеленый склон, увенчанный мягким округлым куполом. Здесь следует устроить посадочную площадку для самолетов, чтобы не спускаться каждый раз в долину на автомобиле. Кстати, Гесс недавно успешно участвовал в авиационном соревновании. Форстер заговорил с ним об этом.

«Впредь оставьте эти полеты, – сказал Гитлер. – Вам это ни к чему. Вы нужны мне, Гесс».

Гитлер снова вернулся к прежнему разговору: «В авиации мы, несомненно, будем лидировать. Она дает много возможностей. Мы будем иметь превосходство надо всеми. В этой области у нас только один серьезный противник: англичане. Славяне никогда не умели вести воздушные бои. Это мужское оружие, это германский способ борьбы. Я построю самый большой воздушный флот в мире. У нас будут самые отважные пилоты. Конечно же, у нас будет еще и большая армия».

Рудольф Вальтер Рихард Гесс (1894–1987) – государственный и политический деятель Германии, заместитель фюрера в НСДАП и рейхсминистр. Фото 1936 года

«Вы введете всеобщую воинскую обязанность?» – спросил Линсмайер.

«Не просто обязанность, а всеобщую воинскую повинность, против которой Гинденбургова „обязанность содействия армии“ – всего лишь необработанная заготовка. Нам нужны армии: не просто хорошо обученные спецподразделения, а массовые армии. Но мы будем использовать их не так, как в 1914 году. Как в „окопной войне“ артподготовка проводилась перед фронтальной атакой пехоты, так в будущем, перед тем как задействовать армию, мы будем вести психологическое ослабление врага посредством революционной пропаганды. Враждебный народ должен быть деморализован и готов к капитуляции, его следует психологически вынудить к пассивности, и только потом можно думать о военных действиях. Как достигнуть моральной победы над противником еще до войны? Вот вопрос, который меня интересует. Кто сражался на передовой – тот не захочет новых кровавых жертв, если их можно будет избежать. Хороши все средства, которые позволяют сберечь драгоценную немецкую кровь. Мы не побоимся даже разжигать революции. Вспомните сэра Роджера Кэзмонта и ирландцев в мировую войну. Во вражеской стране у нас повсюду есть друзья, которые помогут нам; мы знаем, как их приобрести. Смятение, внутренняя борьба, нерешительность, панический страх – вот наше оружие. Вы же знаете историю революций, – обратился Гитлер ко мне. – Всегда одно и то же: господствующие классы ка-

питулируют. Почему? Потому что они впадают в пораженчество; у них больше нет воли. Революционное учение – вот секрет новой стратегии. Я учился у большевиков. Я не боюсь говорить об этом. Люди в большинстве своем всегда учатся у собственных врагов. Знакомы ли вы с учением о государственном перевороте? Займитесь этим предметом. Тогда вы будете знать, что делать».

Мы слушали его, и никто не знал, насколько близко мы все находились к осуществлению этих идей. Я думал об эксперименте с большевистскими вождями, который затеяло Верховное главнокомандование Германии в мировую войну. То, что тогда казалось импровизацией, призванной сделать врага небоеспособным с помощью революции внутри страны, теперь было систематизировано, сформулировано в виде общего правила.

Антисемитизм наиболее извращенно выразился в еженедельной газете «Штюрмер», издававшейся Юлиусом Штрайхером, гауляйтером Франконии. Травля евреев, проводившаяся национал-социалистическим «Боевым листком», часто сопровождалась порнографическим подтекстом, как, например, в печально известных «Историях о ритуальных убийствах». Печатались с продолжением и выходили отдельным изданием «Протоколы сионских мудрецов», содержанием которых был вымышленный еврейский план завоевания мирового господства – то, что «Протоколы» были явной фальшивкой, не мешало их распространению в органах ан-

тисемитской прессы.

Юлиус Штрейхер (1885–1946) – гауляйтер Франконии, главный редактор антисемитской и антикоммунистической газеты «Штурмовик» (нем. Der Stürmer – Дер Штюрмер), идеолог расизма. Казнён по приговору Нюрнбергского трибунала за антисемитскую пропаганду и призывы к геноциду.

«Я никогда не начну войны, не зная наверняка, что деморализованный противник сразу рухнет от одного гигантского удара. – В глазах Гитлера блеснула непреклонность, он начал кричать. – Если враг внутренне деморализован, если он стоит на пороге революции, если ему угрожают народные волнения – тогда время пришло. Один-единственный удар уничтожит его. Авиационные налеты неслыханной массированности, внезапные атаки, террор, саботаж, покушения, убийства лидеров, удары превосходящими силами по всем слабым местам обороны противника, молниеносные, одновременные, без учета резервов и потерь, – вот будущая война. Гигантский удар, сокрушающий все. Я не думаю о последствиях, я думаю только об одном.

Я не играю в войну. Я не позволю, чтобы „полководцы“ командовали мною. Я САМ веду войну. Я САМ определяю момент, благоприятный для атаки. Такой момент бывает только раз. Я буду ждать его. С железной решимостью. И я не упущу его. Я приложу всю свою энергию, чтобы этот момент наступил. Вот моя задача. Если я добьюсь этого момента, я имею право посылать молодежь на смерть. Тогда я

сберегу столько жизней, сколько можно сберечь.

Господа, мы хотим не играть в героев, а уничтожать противника. Генералы, несмотря на свои военные доктрины, хотят вести себя по-рыцарски. Они считают, что войны следует вести как средневековые турниры. Мне не нужны рыцари, мне нужны революции. Я положил учение о революции в основу моей политики».

Гитлер на мгновение прервался.

«Ничто меня не испугает. Никакие так называемые нормы международного права, никакие договоры не удержат меня от того, чтобы использовать предоставившееся мне преимущество. Грядущая война будет неслыханно кровавой и жестокой. Но эта жесточайшая война, не делающая различия между военным и штатским, будет одновременно и самой милосердной, потому что она будет самой короткой. И вместе с полным применением всего нашего оружия мы ослабим противника психологической войной. Мы так же наверняка будем иметь революцию во Франции, как мы на этот раз НЕ БУДЕМ иметь ее в Германии. Будьте уверены. Я приду к французам как освободитель. Мы придем к маленьким людям среднего достатка как носители справедливого социального устройства и вечного мира. Ведь никто из этих людей не желает ни войны, ни великих подвигов. Но Я хочу войны. Мне годится любое средство. И мой девиз – не просто „не торговаться с врагами“, а уничтожать их самыми откровенными средствами. Эту войну веду Я!»

Вечер и утро на Оберзальцберге

Мы прибыли из Данцига: Форстер, Линсмайер и я. Было около полуночи, когда наш поезд пришел в Берхтесгаден. Гитлер прислал за нами автомобиль. Добрых двадцать минут мы взбирались наверх, пока не въехали на Оберзальцберг. Гитлер хотел принять нас еще ночью. Конечно, поездка оказалась весьма опасной.

Гитлер вышел нам навстречу. У него были гости – дамы.

Маленький, симпатичный, скромный дом. Гости сидели в небольшом зале, обставленном в баварском народном стиле и занимавшем всю ширину дома. У большой печки стояла простая полукруглая скамья. Висела клетка, в ней пищала испуганная птичка. Гесс поздоровался с нами. Нас представили дамам. Гитлер (хотя у него в доме никто не пил) предложил нам вишневый ликер. На высоте было довольно холодно. Жесткий горный воздух после жаркой летней дороги.

Тогда, в августе 1932, я видел Гитлера уже не в первый раз. К тому времени мне уже доводилось взглянуть в его знаменитые глаза. Но сейчас я впервые видел его в кругу близких ему людей. Хорошая мещанская компания на фоне гор и изысканно-крестьянского интерьера; такая обстановка часто встречалась до войны у средних слоев нашей буржуазии. Хлопчатобумажные занавески, так называемая крестьянская мебель – все какое-то мелкое, будто нарочно

уменьшенное. Обрамление, едва ли соответствующее фигуре будущего освободителя Германии.

Как Гитлер воздействовал лично на меня? Этот вопрос мне задавали очень часто. Признаюсь, что чувства, которые он возбуждал во мне, были несколько двойственными. В этой обстановке великий народный оратор становился блеклым и невыразительным, как обычный немецкий мещанин. Все было очень симпатично, но ни один предмет не нес на себе отпечатка личности. Меня озадачило полночное общество перезрелых дам. Неужели ему действительно нужна религиозная преданность женщин, чтобы поддержать уверенность в себе?

В Гитлере нет ничего привлекательного. Сейчас это знает каждый. Но в то время еще была распространена легенда о его глубоких голубых глазах. На самом деле они не были ни глубокими, ни голубыми. Они глядели либо пристально, либо безразлично. Им не хватало блеска истинной одухотворенности. Акцент его глухого, чужеродного голоса неприятен для уроженцев Нижнего Рейна. Голос полнзвучный, но какой-то сдавленный, как будто заложен нос. Между тем этот голос – пронзительный, гортанный, угрожающий, беснующийся – стал известен во всем мире. Он воплотил в себе боль этих лет. Многие годы его будут воспринимать как символ безумного времени, и никто не сможет понять, каким образом этот голос мог очаровывать людей.

Очарование личности довольно своеобразная вещь. Я

убедился на своем примере и на примере других, что такому очарованию можно поддаться лишь тогда, когда хочется ему поддаться. Я заметил, что Гитлер оказывал наиболее сильное воздействие на тех, кто был гипнабелен, с оттенком женственности в характере, или же, благодаря воспитанию и общественному положению, был склонен к раболепию и культу личности. Внешность и манеры Гитлера, определенно, ни в коей мере не способствовали повышению его личного обаяния.

Гитлер принял нас нарочито приветливо. Это было как раз после одного зверского убийства в Верхней Силезии. Национал-социалисты среди ночи ворвались в дом своего политического противника и забили его до смерти. Рейхсканцлер фон Папен, который позднее вынужден был уступить Гитлеру в борьбе за власть, отдал суровые распоряжения относительно политических преступлений. Убийцы Потемпы были приговорены к смерти. Гитлер послал фон Папену скандально известную телеграмму с заявлением о солидарности с этими убийцами. Он одобрял их поступок, он называл их своими товарищами. Благодаря этому поступку Гитлер потерял благосклонность многих людей. Его звезда начала блекнуть.

Наша беседа вертелась вокруг недавних событий. Гитлер с негодованием говорил о борьбе национальной буржуазии против него. Он назвал ее истинным врагом Германии.

«Я распушу „Стальной шлем“», – заявил он с уверенностью человека, который знает, что делает. («Стальной шлем»

был национальным союзом фронтовиков, фактически – боевым отрядом Немецкой националистической партии). Затем он принялся обличать политику Папена – лживую и преступную, по его мнению. Он коснулся смертных приговоров и назвал их насмешкой над чувством законности. Энергичность его тона показывала, насколько остро он осознает невыгодность своей позиции.

«Народ никогда не забывает таких кровавых приговоров, – сказал он. – В такое беспокойное время нация может простить все, что случается в открытом бою между двумя противоположными мировоззрениями. Если я дам штурмовикам свободу действий, если в уличных боях погибнет двадцать или тридцать тысяч немцев – нация переживет все это. Она перенесет такую утрату. Это будет похоже на гибель в открытом бою, на полях сражений. Но ошибочный приговор, вынесенный хладнокровно и обдуманно, смертный приговор, вынесенный и приведенный в исполнение вопреки безошибочному правовому чутью народа, смертная казнь за поступок, совершенный под влиянием национальных чувств, как за банальное убийство, – нация запомнит это навечно».

Признаюсь, что эти страстно преподнесенные аргументы произвели на меня впечатление, хотя сам я, как и большинство народа, видел в отвратительном убийстве Потемпы² не

² Ночью 9 августа 1932 года пятеро нацистских штурмовиков (Sturmabteilung) ворвались в квартиру Конрада Петрзуха, шахтера-коммуниста и профсоюзного деятеля, в Верхнесилезской деревне Потемпа (ныне часть сельской общины Крупски Млын в Польше.) и избили его до смерти в присутствии матери. Пяте-

что иное, как одно из наиболее мерзких пятен на коричневой рубашке, до сих пор считавшейся почетной униформой. Но как много ужасных убийств и пыток совершено с тех пор СА и СС! Не под влиянием национальных чувств, а просто ради собственного удовольствия, с жестокостью и трезвым расчетом. Я не знаю, вспоминали ли Гитлер впоследствии, вынося кровавые приговоры так называемым изменникам родины, свои же собственные речи о жестоком приговоре Папена. Очевидно, нет. Гитлер, как и большинство его истеричных гаулейтеров, вроде данцигского Форстера, живут со спокойной совестью, потому что изменяют свои мнения, не осознавая этого. Из лучших побуждений они отвергают свои прежние принципы.

«Папен еще ответит за это, я вам гарантирую, – сказал Гитлер. – И „Стальной шлем“ свое получит. Я распушу их за то, что они исподтишка нападают на моих штурмовиков. Они унизились даже до союза с „Рот-Фронтом“».

Время визита истекло. Вмешались дамы: не время так

ро убийц не сделали ничего, чтобы замаскироваться во время нападения, и были быстро арестованы. После широко разрекламированного судебного процесса в Бойтене (ныне Бытом, Польша) они были признаны виновными в убийстве и приговорены к смертной казни. Гитлер, как и другие высокопоставленные нацисты, был в ярости не только по поводу приговора, но и по приговору. Пока пятеро убийц находились в тюрьме, он отправил им телеграмму: «Товарищи мои! Я связан с вами безграничной преданностью перед лицом этого ужасного кровавого приговора. Моя фотография висит в ваших камерах. Как я мог оставить тебя? Любой, кто борется, живет, борется и, если нужно, умирает за Германию, имеет право на его сторону» – прим. ред.

сильно увлекаться, Гитлеру предстоит бессонная ночь. Мы обменялись еще несколькими незначительными фразами. Гитлер высказал мнение, будто впечатления от путешествия на самолете однообразны, а путешествуя автомобилем, напротив, можно увидеть много новых очаровательных картин из жизни природы, крестьян и горожан. Он уговаривал нас возвращаться домой на автомобиле. Он лично уже пережил потрясение, увидев землю с высоты, и с тех пор полеты не доставляют ему удовольствия.

Гесс дал понять, что нам придется расстаться. Завтра беседа будет более обстоятельной. Он даст нам знак, когда говорить о наших просьбах. Гитлер проводил нас до дверей. Было далеко за полночь, ясно и свежо. Уже занималась утренняя заря. Мы с Линсмайером прошли несколько шагов до гостиницы «У турков». Форстер остановился в другом месте.

«Мы должны быть жестокими»

Следует признаться, что услышанное не дало мне легко уснуть. Может быть, в этом был повинен и непривычный горный воздух, который не сразу оказывает свое целебное воздействие на нас, жителей равнин.

Я разделял комнату с Линсмайером. Этот молодой командир СА был одним из многих симпатичных прямых и по-настоящему патриотичных молодых людей, которые посвя-

щали себя нацистскому движению, руководствуясь исключительно благородными мотивами. Многие немцы бросились тогда в этот бурный поток с самыми лучшими намерениями, твердо веруя в необходимость своей жертвы – и как же неправы те, кто сейчас не хочет ничего понимать и упорно красит все в черно-белый цвет! Они не понимают, что наша молодежь сознательно приносила жертву, отказываясь от беззаботной юности, которая живет сама собой и имеет право на такую жизнь.

Ближе к полудню мы получили известие, что Гитлер проснулся и желает беседовать с нами. Наш разговор начался с темы, прерванной вчера вечером.

«Мы должны быть жестокими, – сказал Гитлер. – Мы должны преобразовать совесть в жестокость. Только так мы можем изгнать из нашего народа мягкотелость и сентиментальное филистерство. У нас уже нет времени на прекрасные чувства. Мы должны вынудить наш народ быть великим, если ему нужно исполнить свою историческую задачу».

«Я знаю, – продолжил он после паузы, – я должен быть суровым воспитателем. Я должен приучить себя самого быть жестоким. Моя задача сложнее, чем задача Бисмарка или кого-либо из прежних лидеров Германии. Я должен сперва создать народ – а уже потом могу думать о решении задач, поставленных в эту эпоху перед нами как нацией».

Каждому, кто близко знал Гитлера в годы борьбы, извест-

но, что он по природе своей слезлив, очень сентиментален, склонен к бурным излияниям чувств и романтичен. Его рыдания при любом внутреннем кризисе были не просто нервными приступами. Слезливо-всхлипывающий тон его обращения к берлинским штурмовикам в момент, когда внутренний конфликт грозил расколоть партию, не был театральным – он был искренним. Поэтому как бы Гитлер ни подчеркивал свою жестокость и неумолимость – его бесчеловечность все равно остается вымученной и искусственной. Это не безнравственность прирожденного чудовища, которая, в конце концов, выглядит как природный фактор. Впрочем, в твердости и беспримерном цинизме Гитлера, кроме подавленного воздействия чрезмерной чувствительности, которая во многом ему препятствует, есть и еще одна сила. Это стремление отомстить и взять реванш. Бесцельное и непонятное чувство, подобное страсти русских нигилистов заботиться об «униженных и оскорбленных».

Всеми своими мыслями Гитлер боролся в то время с искушением отклониться от собственноручно начертанного курса, отказаться от получения власти законным путем и добыть ее кровавой революцией. Ближайшие сотрудники все время настойчиво предлагали Гитлеру прекратить выжидать и заняться революционной борьбой. В себе самом он ощущал противоречие между революционным темпераментом, принуждавшим к страстным действиям, и политической искусностью, подсказывавшей идти прочным путем полити-

ческих комбинаций, чтобы потом «поквитаться со всеми». Нет никаких сомнений, что накануне осенних выборов 1932 года мы были близки к открытой вспышке национал-социалистической революции. Для партии это означало бы смерть. Восстание было бы жестоко подавлено войсками рейхсвера. В разговорах того времени снова и снова всплывала одна и та же мысль: «Коричневым батальонам – свободу действий!» Гитлер рисовал себе самому и своему окружению шансы внезапного захвата ключевых пунктов государственной и экономической власти. С особым интересом он останавливался на возможности развязать кровопролитные уличные бои, связанные с подавлением марксистского восстания. Насколько основательно были разработаны планы государственного переворота, показали действия нацистов летом того же года. Это было совсем не самоуправство партийных лидеров на местах. Все нити вели непосредственно к Гитлеру. Такие действия соответствовали его темпераменту, запросам его фантазии и его представлениям об историческом величии, которое будто бы недостижимо без кровопролития.

Здесь выразилась та же противоречивость чувств, которая недавно заставила фюрера Третьего рейха колебаться между желанием стать «величайшим полководцем всех времен» и необходимостью следовать уже однажды избранным путем «комбинирования, добыть власть хитрым маневром, коварством создать империю». Люди Гитлера упрекали его в том, что он упустил момент для решающего удара. И дей-

ствительно, в 1932-м экономический кризис начал понемногу ослабевать. Приток в партию уменьшился. Соперники Гитлера усилились и стали обгонять его. Поставленный в трудное положение, лишенный всякой возможности действовать, Гитлер видел, как рушатся все его планы прихода к власти. Президентские выборы принесли его партии тяжелое поражение. С тех пор, как Папен пришел к власти, Гитлер с ненавистью наблюдал, как этот проклятый соперник с легкостью и беззаботностью юного кавалерийского офицера преодолевает многочисленные политические препятствия, представлявшие особый интерес для Гитлера и его Борьбы. Например, Папен занял прусскую полицию и лишил прусских марксистов государственной платформы. А Гитлер, нетерпеливо и страстно жаждавший действия, вынужден был бездельничать и разыгрывать отпускника в Баварских горах, тогда как время шло и Папен опережал его, осуществляя его же планы.

План в ящике стола

Кстати, о планах. Расспросы Гитлера о положении в Данциге касались экономики. Я вспомнил о задаче, в то время поставленной Гитлером перед партией: составить программу трудоустройства населения. Дилетантство, с каким честолюбивые делопроизводители разных участков составляли рабочие планы, из которых затем должна была получиться единая

программа по преодолению безработицы, вызывало большие сомнения в серьезности намерений партии. Вдобавок именно в это время два партийных эксперта по технико-экономическим программам, Федер и Лявачек, вынесли на суд общест-венности (в лице партийных «собраний интеллигенции») свои экономические теории, весьма странные и отнюдь не убедительные; у экономистов они вызывали смех, у образо-ванных членов партии – мучительное недоумение. Я спросил Гитлера (о его отношении к Федеру я тогда еще не знал), как же будет финансироваться эта экономическая програм-ма? «Мне кажется, – сказал я, – что теория Федера означает не что иное, как финансирование с помощью инфляции».

«Почему же? – спросил Гитлер и недружелюбно посмот-рел на меня. – Впрочем, финансирование меня не беспоко-ит. Дайте мне только волю. Убрать спекулянтов – и не будет никаких трудностей».

«Но ведь цены невозможно удержать, если финансировать трудоустройство таким образом, – решил я возразить. – Федеровские текущие счета тоже будут способствовать инф-ляции».

«Инфляция наступает, если ее хотят, – возмущенно отре-зал Гитлер. – Инфляция – это когда не хватает дисципли-ны. Недисциплинированные покупатели и недисциплиниро-ванные продавцы. Я позабочусь о том, чтобы цены были ста-бильными. Для этого у меня есть штурмовики. Горе тем, кто будет повышать цены. Нам не нужно никаких юридических

оснований. Партия сама справится. Смотрите сами: в каком магазине штурмовики один раз наведут порядок – в другой раз там такого уже не случится».

Форстер удовлетворенно кивнул, такая экономическая дисциплина ему понятна.

«Впрочем, – продолжал Гитлер, – теории Федера и Лявачека меня не волнуют. Я обладаю даром сводить любую теорию к ее реальной сути. И в свое время я непременно это сделаю. Выдумками я бы ничего не добился. Не стоит требовать от этого Федера и его людей, чтобы их слова сбывались – даже если их санкционировала партия. Пусть они говорят, что хотят; когда я буду у власти, я позабочусь о том, чтобы они не наделали глупостей. Если кто-то возбуждает беспорядки, Форстер, сделайте так, чтобы он замолчал. Люди не умеют думать просто. Все им надо усложнить. А я обладаю даром упрощать, и тогда сразу все получается. Трудности существуют только в воображении!»

Он прервался. Пренебрежение Гитлера к Федеру в то время было мне еще в новинку. Это было интересно прежде всего как знак превосходства Гитлера над своим окружением. Гитлер, определенно, обладал даром упрощать и делал это – до какой-то степени – конструктивно. Подобно большинству самоучек, он имеет дар пробиваться сквозь стену предубеждений и традиционных мнений специалистов и при этом он вновь и вновь открывает ошеломляющие истины.

«И эти „капитаны индустрии“ мне не указ. Тоже мне,

капитаны! Хотел бы я знать, где их капитанский мостик! Они простые люди, дальше своего носа ничего не видят. Чем ближе их узнаешь, тем меньше их уважаешь». – Гитлер пренебрежительно махнул рукой. Форстер принялся взахлеб рассказывать о проектах трудоустройства населения, которые собраны в его гауляйтерстве так называемым инженерным подразделением на случай прихода к власти. Я заметил нетерпение Гитлера и добавил, что речь пока идет о «сыром» проекте, не хватает разработки в деталях. Мне кажется, что руководству следует расставить в проекте приоритеты, исходя из возможностей финансирования.

«Надо только поджечь запал, – возразил Гитлер. – Каким образом я это сделаю, не столь важно. Экономический оборот должен двигаться по кругу, а мы должны замкнуть этот круг, чтобы силы нашей экономики не вытекали за границу. Я могу легко добиться этого – как наращиванием вооружений, так и строительством жилых домов или поселков. Еще я могу дать безработным больше денег, чтобы они могли удовлетворить свои потребности. Тем самым я создам покупательную способность и дополнительный оборот. Но все это – просто и совсем не сложно; мы сделаем это, чтобы наши люди обрели силу воли и не боялись некоторых неизбежных трудностей. И пусть профессора думают что хотят – я считаю, что это вовсе не тайное учение, а дело здравого рассудка и воли».

Заметно было, что Гитлер не придает большого значения

планам трудоустройства. В эту пору полной бездеятельности они явно казались ему таким же развлечением, как фантазии о стройках, поселках, сельскохозяйственной мелиорации, техническом прогрессе.

Весь его «план в ящичке стола», как и многое другое, был лишь средством для достижения цели. Это был сверкающий мыльный пузырь, а не плод серьезной работы. И даже сам фюрер не верил, что эти труды имеют какую-нибудь ценность. Он занимался ими ради пропаганды, для воспитательных целей и нимало не заботился об их результатах.

Таким образом, ни один план из его «стола» не рассматривался всерьез. Весь багаж, с которым Гитлер пришел к власти, состоял в его неограниченной уверенности, что он со всем справится, в примитивном, но действенном правиле: что приказано, то исполнят. Может быть, это правило скорей скверно, чем верно, – но время идет, а дела все еще обстоят именно так.

За поведением Гитлера всегда стояли свобода от предрассудков и крестьянская хитрость, которую сейчас кое-кто склонен называть едва ли не великолепной. И при пустом «столе», по мнению Гитлера, все потом прошло просто замечательно. А приключившиеся трудности – это дурной умысел реакционеров, которые хотели саботировать выполнение его распоряжений. Трудностей, заключавшихся в самой сути дела, Гитлер не признавал. Он видел только неспособность одних людей и злой умысел других.

Впрочем, ему действительно повезло с пустым «столом». Господин Шахт заполнил эту зияющую пустоту своими остроумными идеями. Нетрудно догадаться, что без этого «волшебника» самоуверенность Гитлера очень скоро получила бы несколько тяжелых ударов. А несколько лет спустя Гитлеру пришлось уволить Шахта – уж очень настойчиво тот требовал регулировать затратную экономику. Гитлер пытался «вразумить» его рассказами о своем счастливом прошлом: как когда-то, в годы борьбы за власть, Гитлеру случалось требовать денег у партийного кассира Шварца, а тот постоянно отвечал: «Господин Гитлер, в кассе ничего нет». Тогда Гитлер стучал кулаком по столу: «Шварц, завтра к утру мне нужна тысяча марок». И на другой день тысяча марок появлялась. «Откуда он их брал, мне все равно».

Гитлер всегда не очень заботился о финансировании. Очевидно, в определенный период это было его сильной стороной. Все гауляйтеры подражали Гитлеру в этом. «Деньги у нас есть, в неограниченном количестве», – ответил мне Форстер, гауляйтер Данцига, когда я сказал ему, что финансирование его грандиозных строительных планов вызывает у меня опасения. Когда мы приехали к Гитлеру, Форстер интересовался в первую очередь техническими изобретениями.

«Господин Гитлер, – вступил я в беседу, когда Гитлер, погружившись в свои мысли, впери́л взор во что-то невидимое перед собой, – а что вы думаете о новых изобретениях? Можем ли мы рассчитывать на их революционный эффект?

Ведь эти изобретения далеко не всегда требуют больших капиталовложений и далеко не всегда создают новые затратные статьи?»

«Мне кажется, – Форстер явно не мог уловить связи, – что техническая оснащенность всей нашей жизни поднимется еще на одну ступеньку, как это было в эпоху открытия паровой машины, возникновения электротехнической, автомобильной и химической промышленности, не так ли?»

Я полемизировал с мнением Лявачека, сказавшего, будто прошло время великих открытий, способных произвести переворот в жизни. Очевидно, поэтому он и пришел к своей непонятной теории о дешевом накоплении электроэнергии посредством электролитического производства водорода и к систематическому строительству водяных каскадов для производства дешевой электроэнергии.

«Инженеры – дураки, – грубо прервал меня Гитлер. – У них есть идеи, может быть даже полезные, но что за глупость делать из них обобщения. Пусть Лявачек строит свои турбины, а не открывает новые статьи затрат для экономики. Не связывайтесь с ним. Я не знаю, на чем он помешан. Господа, все это чушь! Мир НЕ повторяется. Что годилось для XIX века, то уже не годится для XX. Открытия уже не случаются сами собой, как подарок судьбы. Сегодня все в наших руках. Мы можем рассчитать, когда и в каком направлении следует ожидать новых открытий. Открытия делаются постоянно. Наша задача – давать им ход. И вот тут наше слабое

место: мы НЕ даем им хода. Мы упускаем возможности. Все дело – в силе воли. Сегодня уже нельзя полагаться на естественный ход событий. Богатым странам, у которых все есть, открытия уже не нужны. Зачем они им? Они для них неудобны. Они хотят сохранить свои заработки. Они хотят спокойно спать, эти богатые народы – Англия, Франция и Америка. Здесь Лявачек прав – то, что прежде было игрой случая, теперь следует делать сознательно. Мы должны сами устраивать себе счастливые случаи. Мы это можем! Вот в чем значение „великих работ“, за которые возьмутся государства, а не спекулянты и банковские жида – эти заинтересованы сейчас только в том, чтобы не допустить ничего подобного. Поэтому мы, немцы, должны освободиться ото всех связей с ними. Мы должны сами встать на ноги. Но Германия, как она есть сейчас, не является биологически завершенной. Германия обретет завершенность лишь тогда, когда Европа станет Германией. Без власти над Европой мы зачахнем. Германия – это Европа. Я вам гарантирую: в Европе больше не будет безработицы. Наступит неслыханный расцвет. Мы не дадим миру спать. Мы поставим перед собой такие задачи, о каких весь мир сегодня и не мечтает. И мы их решим. Но нам нужна Европа и ее колонии. Германия – это только начало. Ни одно европейское государство не имеет отныне законченных границ. Европа – для нас. Кто добудет ее, тот определит лицо грядущей эпохи. Мы призваны. Если нам не удастся сделать это, мы погибнем, а все нации Европы придут в упадок.

Со щитом – или на щите! Лявачек и Федер – болтуны. Их
мещанские премудрости мне ни к чему!»

Гитлер остановился. Впервые я услышал что-то о его истинных целях. Признаюсь, что размах его перспектив тогда произвел на меня ошеломляющее впечатление.

Данциг, вольный город и политическое убежище

Дело, с которым мы приехали, касалось Данцига. От великих планов вам пришлось вернуться к менее прекрасной действительности. Национал-социалистическая партия в Данциге в то время находилась в тяжелом положении. В противоположность Германии партия была здесь не в оппозиции, а поддерживала, как самая сильная партия с 1930 года, правительство меньшинства, в котором лидировала Немецкая националистическая партия. С тех пор, как последние начали в более или менее откровенной форме бороться против национал-социалистов, Форстер стал требовать повторных выборов, но данцигский сенат возражал против этого. Тогда Форстер решил прекратить поддерживать правительство, чтобы создать ему трудности. Вопрос стоял в том, одобрит ли Гитлер правительственный кризис, согласуется ли с его политическими интересами существование национал-социалистической оппозиции в Данциге. Вопрос, казалось бы, очень незначительный – значение его можно

понять, лишь приняв во внимание общее положение партии в то время.

Первый вопрос, который задал нам Гитлер: «Имеет ли Данциг договор с Германией о выдаче преследуемых лиц?» Я не сразу понял и ответил, что у нас есть только взаимное соглашение о содействии судопроизводству. Гитлер разъяснил точнее: «Я имею в виду, должен ли Данциг по требованию Германии высылать германских политических деятелей, которые проживают в Данциге?» Я все еще не понимал, к чему он клонит. Я сказал: нет. У нас не практикуется высылка политических деятелей, если они не совершили уголовных преступлений. «Может случиться, – объяснил Гитлер еще точнее, – что мне придется перевести партийное руководство за границу. Обстановка для нашей партии очень скоро может ухудшиться. У меня может возникнуть намерение временно перебраться за границу, чтобы руководить оттуда. Мы в Германии можем попасть под такое сильное давление, что не сможем свободно работать. Мне приходится учитывать любую случайность; может быть, мне нужно будет внезапно покинуть Германию. Данциг был бы в этом случае чрезвычайно удобным местом, совсем рядом с Германией. Мое решение о повторных выборах в Данциге зависит от того, сможет ли Данциг гарантировать мне то, что мне нужно». Я ответил, что нынешнее правительство Данцига в любом случае едва ли может предоставить достаточные гарантии безопасности для политической работы партии, если она

будет запрещена в Германии, хотя на высылку по политическим причинам тоже вряд ли стоит рассчитывать.

«Форстер, давайте подумаем, не лучше ли добиться хороших отношений с теперешним правительством Данцига, чем провоцировать выборы, которые все равно не дадут нам возможности самостоятельно составить новое правительство». Форстер медлил с ответом. «Когда вы сможете провести повторные выборы?» – спросил Гитлер. – «В конце осени», – ответил Форстер. Гитлер пожал плечами. «Для меня это слишком поздно». Последовала долгая беседа о возможных повторных выборах и о том, насколько возможно склонить нынешнее правительство терпимо относиться к штаб-квартире Гитлера в Данциге. Я не мог умолчать о том, что, если в Германии запретят партию и СА, то что-то подобное случится и в Данциге, потому что нынешнее правительство меньшинства получит повод удовлетворить свои претензии. В остальном оценка Гитлером существующего положения была для меня весьма неожиданной. Я слышал впоследствии, что Германское правительство действительно решилось категорически запретить национал-социалистическую партию и только временно отложило запрещение по настоянию рейхсвера. Борьба нелегальной партии интересовала Гитлера, даже влекла его, поскольку он рассчитывал, что нелегальное положение даст ему новый стимул. Он мог бы вести ее беспощадно, еще более коварно. Гитлер давал понять своим «неукротимым силам», что он готов дей-

ствовать в такой обстановке, и что запрещение партии должно очень скоро закончиться ее победой. Но ему нужна будет свобода действий. Ему нельзя будет находиться под надзором полиции.

Мы так и не пришли ни к какому решению. Превращение вольного города Данцига в убежище для вновь преследуемой, снова нелегальной национал-социалистической партии осталось в проекте. Мы не решили также, что делать, если правительство Папена предпочтет не запрещать партию. Сейчас, когда вокруг Данцига разразился всемирный политический кризис, можно найти определенную пикантность в том, что когда-то Гитлера особенно привлекал государственный суверенитет Данцига, и он намеревался использовать это положение для собственной безопасности.

Затем мы стали беседовать об опасном положении в Восточной Пруссии. Распространялись слухи о нападении Польши. Гитлер с явным злорадством высказался об обострении отношений с Польшей. Это, в общих чертах, соответствовало положению, недавно принятому им в Германии: там партия заявила, будто ей безразлично, нападет ли Польша на Восточную Пруссию, Данциг или Померанию. В любом случае она займет выжидательную позицию. Кроме того, Гитлер снова имел повод показать, что интересы его партии значат гораздо больше, чем интересы нации.

Потом мы заговорили о будущей войне, о тайном вооружении и оборонных мероприятиях Германии. Уже тогда Гит-

лер считал, что существует благоприятная возможность изолированной войны с Польшей. Особенно низкую оценку он давал польским солдатам. По его мнению, это были самые плохие солдаты, одного уровня с румынскими или итальянскими. Но он не желал начинать свое правление войной, пусть даже с Польшей. Он будет избегать всего, что способно обострить напряженность. Он даже готов, со своей стороны, заключить соглашение с Польшей. «Сперва нам нужно стать сильными. Все прочее приложится. Я буду двигаться постепенно, шаг за шагом. Два шага сразу – ни в коем случае. Запомните это, Форстер», – сказал он своему «младшему брату». Затем последовала уже упоминавшаяся беседа о военных перспективах.

Время прошло, наступил полдень. К нам снова подошел Гесс. Гитлер на минутку оставил нас одних. Мы рассматривали долину. Гесс рассказывал нам про окрестности, показал место, где находился Зальцбург. Мы узнали, что Гитлер с неослабевающим гневом смотрит на границу, отделяющую его от родины. Стало ясно, что с Австрией его связывают не только политические и национальные интересы, но и очень сильные личные чувства.

Гитлер попрощался с нами. Он подарил нам на дорогу несколько мыслей о данцигской политике. Он сказал, что Данциг – это место с великим будущим. В германской Европе у него будут особые задачи. Здесь, на перекрестке естественных силовых линий, возникнет город-миллионер.

Эта мысль противоречила всем распространенным мнениям, будто Данциг – умирающий город, своего рода живое ископаемое; впрочем, подробнее об ее истоках я узнал, повстречавшись в Мюнхене с одним немцем (никому не известным и очень рано умершим инженером) по фамилии Плайхингер. Он выложил мне то же самое мнение о грядущем Великом Данциге, будущем Антверпене Балтийского моря...

Мы попрощались с Гессом. Автомобиль уже ждал нас. Мы отправились в Мюнхен. Спустившись по склону Оберзальцберга, мы повстречали Геббельса – он как раз выходил из своей машины. Тяжелой деревянной походкой своих косолапых ног он принялся карабкаться по узкой тропинке, ведущей от основной дороги к домику Гитлера. Он плел свою прочную сеть, в которую однажды суждено будет попасться мухе по имени Германия.

Восточная политика и новая германская аристократия

Первый Коричневый Дом в Мюнхене представлял собой характерную смесь современной канцелярщины и вульгарной романтики. Металлическая мебель, канцелярские шкафы, тщательно подобранные картотеки – с одной стороны. Зал сенаторов, знамена, цветовая и прочая символика, отвратительные картины на стенах – с другой. Я имел случай просидеть несколько часов напротив одной из таких картин, слушая интимные излияния Гитлера и некоторых его советников.

Картина называлась «Триумф Движения», или что-то в этом роде. На бескрайней равнине огромная толпа людей, подобно воскресшим в Судный день, сквозь бурю и тучи двигалась навстречу сияющей в небесах свастике. Кошмарный кич, вагнеризованный национал-социализм; эта картина висела в так называемом Малом конференц-зале на втором этаже.

Круг людей, которых Даррэ пригласил сюда летом 1932-го, чтобы обсудить основные направления «восточной территориальной политики», был очень узок. Даррэ, самому младшему из будущих «рейхсляйтеров», составивших круг гитлеровского руководства, была предоставлена честь объяснить будущую восточную политику Германии. В общих

чертах она уже была обрисована в книге Гитлера «Майн Кампф». Но без выводов относительно демографической и аграрной политики – в этой скромной историко-романтической картине для них не нашлось места, да и Розенберг тоже едва ли касался подробностей такого рода.

Коричневый дом – здание, находившееся в Мюнхене по адресу Бриеннер-штрассе, 45, где в 1930–1945 годах располагалась штаб-квартира НСДАП.

Имея сельскохозяйственное образование, Даррэ взялся за научно обоснованное внедрение в жизнь национал-социалистических расовых законов и расовой гигиены. Он намеревался составить большую и детальную картотеку наследственных биологических параметров нацистской элиты, прежде всего СС. С благословения Гиммлера он начал собирать родословные новой аристократии. Своего рода племенную книгу породы господ, планомерно создаваемой по тем же правилам, которые используются на племенных заводах.

Даррэ показывал мне шкафы со своими картотеками и большие бланки для карточек. Именно тогда Гиммлер распорядился, чтобы все члены партии женились только по особому разрешению. Согласие на брак выдавалось только после детального биологического исследования будущих супругов.

«Здесь рождается новая аристократия. Мы соберем наилучшую кровь, – сказал Даррэ, указывая на стальные шкафы картотек. – Как мы возродили старую ганноверскую породу лошадей из немногих чистокровных самцов и самок, так, путем вытесняющих скрещиваний лучших представителей германской крови, через много поколений мы возродим чистый тип нордического немца. Конечно, мы едва ли сможем очистить кровь всего немецкого народа. Но новая герман-

ская аристократия будет породистой в буквальном смысле слова». Я перелистывал большие квадратные бланки картотеки. «Я хотел бы, чтобы все мои сельские комиссары вступили в СС, – сказал Даррэ. – СС – это человеческий резерв, из которого мы будем выводить новую породу. Планмерно, руководствуясь сведениями биологической науки, мы будем делать то, что инстинктивно делала наследственная аристократия минувшей эпохи. В нашу промежуточную эпоху мы должны заменить инстинкт рациональными мероприятиями. В первую очередь мы будем привлекать крестьянство – по мере того, как оно проявляет остатки здорового инстинкта, признавая наше движение. Мы примем и старые аристократические семейства с хорошими генетическими данными – в той мере, в какой они сохранились в чистоте. Я представляю, как мы создадим „питомники аристократии“, где новая аристократия, прочно укореняясь в земле, в то же время будет закаляться, выполняя задачу руководства среди чужих народов. То есть эти „питомники“ будут находиться среди иноязычных территорий нашего грядущего Рейха».

Даррэ, женившийся вторым браком на наследнице старинного дворянского рода из балтийских немцев, намеревался с помощью своих радикально новых взглядов на аграрную политику произвести революцию в мелкобуржуазно-социалистических понятиях партии о колониальной политике, и Гитлер, в то время стремившийся вовлечь в свою политику землевладельцев восточного берега Эльбы, относился к нему

с большим пониманием. Доклад, который Гитлер намеренно поручил Даррэ, был о будущей восточной политике как основе для создания новой аграрной политики Германии и преодоления либерализма в демографической политике.

Рихард Вальтер Оскар Даррэ (1895–1953) – руководитель Главного расово-поселенческого управления СС. Рейхсминистр продовольствия (1933–1942).

Кто-то из штаба Даррэ сделал доклад о пространственных задачах «восточной территориальной политики» (так Даррэ называл восточную политику). Он говорил о том, что должен возникнуть союз государств, начавший формироваться во время мировой войны. «В центре – железное ядро, государство-гигант; Чехия, Моравия, Австрия – его составные части; затем – венок малых и средних несамостоятельных государственных образований, – таков, согласно этому докладу, костяк Великого Рейха. – Прибалтийские государства, средних размеров Польша, рассеченная на мелкие этнографические области и отделенная от Балтики, более крупная Венгрия, разобранные на составные части Сербия и Хорватия, уменьшенная Румыния, Украина, существующая в виде нескольких независимых частей, южнороссийские, кавказские государства – таким было будущее Федеративное государство, которое Германия должна была сделать фундаментом своей власти.

На северо-востоке – границы Финляндии, на юго-востоке – границы Грузии (Грузии). Все связано общими вооруженными силами, общей экономикой и валютой, общей внешней политикой. Однако все это останется эфемерной конструкцией, не имеющей будущего, – продолжал докладчик, – ес-

ли не будет проводиться планомерная политика народонаселения и народоистребления. Да, именно народоистребления. Огромную опасность для белой нордической расы представляет высокая биологическая плодовитость восточных славян, которые, подобно всем неполноценным народам, восполняют недостаток качества избытком количества, то есть заставляют своих женщин чаще рожать. Аграрная политика большевиков после войны, то есть раздача крупных земельных владений крестьянам, угрожающе повысила их плодовитость. Поэтому стоило бы снова освободить славянских крестьян от земли, сделать их батраками, чтобы снизить их плодовитость. Следует передать сельскохозяйственные угодья преимущественно в руки немецкого господствующего класса. Только немцы должны быть крупными землевладельцами на всех восточных территориях. Крестьяне иноплеменного происхождения должны снова стать работниками, странствующими батраками (также и на землях Рейха) и неквалифицированными рабочими на промышленных предприятиях».

Следующий докладчик развил аграрно-политическую сторону проекта. Дело не в том, сказал он, чтобы осваивать земли внутри Германии. Это типичная уловка либералов, желающих отделаться от своих проблем. Колонизация – это всегда поселение на чужих землях, это завоевание новых пространств. «Идеи заселения, выдвигаемые этим Брюннингом и его шайкой, – преступны, потому что ориентируют

немецкий народ на „китайский образец“. Не внутренняя, а только истинная, завоевательная колонизация. Не хутора, а поселения гуфнеров, создание новых крупных землевладельцев!»

Уже предвоенная политика Пруссии в отношении восточной марки отличалась полным непониманием этой большой проблемы – конечно, из-за того, что дух вильгельмовской эпохи был поражен либерализмом. И мы за это поплатились, получив прямо противоположный эффект: прирост славянского населения вместо увеличения германского элемента. Надо было решительно выступить против «аграрного большевизма» в нашей стране, против систематического разрушения крупных земельных владений. Следует снова сделать из карликовых подворий Западной Германии крупные крестьянские дворы, пригодные для применения упряжной вспашки и сельскохозяйственной техники. И еще следует вновь собрать воедино все Германские владения, раздробленные аграрными реформами в странах, порожденных Версальским договором. В Германии будет введен Закон о наследственных крестьянских дворах, который вынудит лишних наследников отправляться на восток и там становиться крупными землевладельцами. Мелкие хозяйства в Германии будут укрупняться, и, таким образом, население, занятое в сельском хозяйстве, будет рассредоточиваться. Реаграризация Германии будет происходить не в самой Германии, а на огромных подчиненных территориях, которыми овладе-

ет национал-социализм на востоке. Немецкие батраки смогут, в определенной степени, сами стать хозяевами или получают места квалифицированных рабочих на промышленных предприятиях. Без создания определенной современной формы послушания или, если хотите, рабства, человеческая культура дальше развиваться не сможет. Только таким образом можно создать сельскохозяйственную продукцию с ценами мирового рынка – рано или поздно, мы должны это сделать.

Затем слово взял сам Даррэ. Он сказал, что первая задача – подорвать славянскую плодovitость. Вторая – создать и прочно укоренить немецкий класс господ. Вот внутренний смысл «восточной территориальной политики». Вместо горизонтального разделения европейских народов должно возникнуть вертикальное. Это обозначает не что иное, как призвание немецкой элиты стать классом господ в Европе, а затем и во всем мире. Даррэ сказал, что назвал бы эту элиту исконно германским словом «адэль» (аристократия). Однако, для того чтобы исполнить роль цвета немецкой нации, она должна не только обладать духовной, физической и политической выучкой, но быть биологически ухоженной и подвергаться планомерной и постоянной селекции. Иначе возникнет опасность, что среди чужих народов этот класс станет злоупотреблять своими исключительными социальными привилегиями и быстро выродится.

То же самое касается и нового социального устройства

будущей Германии и Европы. Следует сознательно восстановить сословный порядок или, по крайней мере, иерархическую структуру. Но одной лишь Германии слишком мало для таких перемен – для них нужен весь континент, нужен весь мир. Эту гигантскую проблему нужно последовательно продумать. В то время как мы начнем создание здорового социального организма, следует любыми средствами ускорить разложение старого, отмирающего организма. Мещан следует искоренить так же, как и пролетариев. Но нужно учитывать и моральные последствия. Нужно осмелиться быть безграмотными, осмелиться быть язычниками. Образование и знания представляют определенную опасность для класса господ. С другой стороны, они же представляют большую опасность и для сохранения класса рабов. Идеал всеобщего образования давно уже устарел. Только когда знание снова приобретет характер тайного учения и перестанет быть общедоступным, оно вновь получит ту функцию, которую оно должно нести, то есть станет средством господства над людьми и природой. Таким образом, мы снова приходим к необходимости воссоздать кровную европейскую аристократию, которую национал-социализм противопоставляет международной «денежной аристократии» либералов.

Подобно германскому крестьянству, которое является вечным источником чистой немецкой крови и, в качестве такового, требует особой заботы, новую аристократию тоже следует навсегда обезопасить и уберечь от вырождения,

подчинив ее строжайшим требованиям биологического отбора и особым образом укоренив в сельскохозяйственных угодьях. Значение восточнонемецких «юнкеров» состояло именно в том, что они были господами и едва ли не королями покоренного населения. Это выработало в них господские свойства. И поэтому прусские «юнкеры» всегда оставались одним из лучших типов немецкой нации, пока держались подальше от либерализма и еврейской заразы. Подобную задачу должна сейчас сознательно, в интересах всего народа, а не одного государства, взять на себя «новая немецкая кровно-земельная аристократия». И тем национал-социалистическим лидерам, которые не связаны с сельским хозяйством, тоже должно быть выделено поместье – их доля в клановых владениях. А в более отдаленном будущем только от этих аристократических родов, связанных с задачами немецкого господства над миром, произойдет политический прирост движения. Гигантские трудности стоят перед нами. Трудно будет своевременно преодолеть их, прежде чем наступит всеобщий распад.

Затем выступил Гитлер. «Партайгеноссен, все, что мы здесь обсуждаем, должно остаться между нами. У меня есть основания полагать, что некоторые наши товарищи могут неверно это понять. Но Даррэ прав. Мы должны полностью стряхнуть скорлупки либерализма, которые мы, сами того не сознавая, таскаем на своих макушках. Многим из нас это очень трудно сделать. Ибо мы нахватались идей со всех ку-

стов по обочинам нашего жизненного пути и уже не осознаем, откуда взялись эти идеи.

Все, что было сказано о нашей восточной политике, или „восточной территориальной политике“, я, в общем, одобряю. Но, партайгеноссен, никогда не упускайте из виду следующий момент. Мы никогда не будем делать большую политику без прочного, стального силового ядра. Ядра из восьмидесяти или ста миллионов компактно поселенных немцев! Отсюда, моя первая задача – создать это ядро, которое не только сделает нас непобедимыми, но раз и навсегда обеспечит нам решающий перевес над всеми европейскими нациями. Если нам это удастся, все прочее будет относительно легко. К этому ядру принадлежит Австрия. Это само собой разумеется. Но к нему же принадлежит и Чехия, и Моравия, и западные области Польши – до определенной стратегической границы. К нему же принадлежат – и это нельзя оставлять без внимания – прибалтийские государства, в которых на протяжении столетий сохранялась тонкая прослойка немцев. Во всех этих областях сегодня проживают преимущественно другие нации. И наш долг – если мы хотим навеки основать наш Великий Рейх – устранить эти нации. Нет никакой причины, чтобы этого не сделать. Современная техника даст нам возможность относительно легко претворить в жизнь эти планы переселения народов. Впрочем, по сравнению с многомиллионными внутренними миграциями послевоенного времени наша затея – сущая безде-

лица. Чешско-Моравский бассейн, восточные области, граничащие с Германией, – все будет заселено немецкими крестьянами. Чехов мы переселим в Сибирь или на Волынь – мы определим для них резервации в новых государствах федерации. Чехов надо убрать из Центральной Европы. Пока они находятся здесь, они всегда будут очагом гуситско-большевистского разложения. И только в том случае, если мы хотим и можем этого добиться, я готов ответить за небывалые кровавые жертвы, которые понесет вся немецкая молодежь. Если нам придется заплатить такую цену, то я, не колеблясь ни мгновения, с полным сознанием приму на свою совесть гибель двух-трех миллионов немцев.

Другое дело, страны Прибалтики. Мы легко сможем германизировать здешнее население. Это племена, которые расово близки нам и которые давно бы уже стали немецкими, если бы предубежденность и социальная безграмотность балтийских баронов не препятствовали этому. В остальном проблемы границ как таковые меня мало интересуют. Если моя политика застопорится на них, то всем нам вскоре будет нечего сказать и нечем помочь немецкому народу. Но от глупейших сентиментальных тирольцев я все же избавлюсь. Я не думаю, что тирольский вопрос станет помехой для одного из основных направлений нашей политики – союза с Италией. За столетия своей несчастливой истории немецкий народ разросся повсюду, как дикое мясо. Я не дам сбить себя с толку и не буду совершать политических ошибок из-за

этих уважаемых сувениров нашего прошлого. Иначе обстоит дело с Эльзасом и Лотарингией. Мы никогда от них не откажемся. Не потому что там живут немцы, а потому что эти и другие области так же нужны для завершения нашего ядра на Западе, как нужны нам Чехия на Юге и Польша, западная Пруссия, Силезия и страны Прибалтики на Востоке и Севере».

Гитлер продолжал: «Сомнений больше нет. На востоке и юго-востоке я буду действовать не по примеру генерала Людендорфа или чьему-нибудь еще, а согласно железному закону нашего исторического развития. Если Германия снова вооружится, то все эти народы сами по себе станут членами нашей федерации. Но речь идет не о том, чтобы создать мирную и уютную пан-Европу, с добрым немецким дядюшкой посредине, который позволяет своим иностранным племянникам приятно коротать годы учебы. Мы не станем выкармливать собственных могильщиков. Мы будем закладывать вечные политические и биологические основы германской Европы. Партайгеноссен, экономическое мышление для нас не самое важное. Конечно, нам нужна пшеница, нефть и руды этих стран. Но мы думаем о том, чтобы навеки установить наше господство и укрепить его так, чтобы оно продержалось тысячу лет. В этом нам не помогут ни политические, ни экономические договоры, на которые уповают Папен с Гунгенбергом. Эти либералистические игрища окончатся банкротством нации. Сегодня мы стоим перед железной необ-

ходимостью создать **НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК**. Только совершив это, мы решим великую историческую задачу, которая поставлена перед нами как нацией.

Бесклассовое общество марксистов – глупость. Порядок – это всегда иерархия. Но и демократические идеи насчет иерархии денежных мешков – тоже нелепость. Настоящие господа не выходят из хитрых купцов, разбогатевших на случайных спекуляциях. Секрет нашего успеха в том, что мы снова ставим в центр политической борьбы право истинных господ на существование. Истинные господа возникают только тогда, когда возникает истинное порабощение. Не может быть и речи о преодолении неравенства между людьми – напротив, его следует углубить и, подобно всем великим культурам, с помощью непреодолимых барьеров превратить в закон. Никакого всеобщего равноправия не существует. Мы осмелимся не только сделать эту истину лозунгом нашего дела, но и сами исповедовать ее. Я никогда не соглашусь, чтобы другие народы были равноправны с немецким, наша задача – поработить иные народы. Немецкий народ призван дать миру новый класс господ.

Буржуазия сыграла свою роль. Сыграла окончательно, и не смущайтесь, если какие-то гальванические токи еще заставляют ее мертвые мускулы сокращаться. Но и у этих „исторически уполномоченных верхних слоев“, у этого календарного дворянства, у этих выродившихся потомков древних аристократических родов осталась только одна задача –

„красиво умереть“. Своими смехотворными клубами и собраниями эти клубные господа и их прихвостни не остановят хода истории. Конечно, я не стал бы трогать те места, где еще сохранилось истинное дворянство. Но где же оно? И если такое дворянство найдется, оно непременно признает меня. Нет, партайгеноссен, о возникновении новых „верхних слоев“ не дискутируют. Их создают, и есть только одно средство для их создания: Борьба. Отбор нового класса вождей – вот МОЯ борьба за власть. Кто признает МЕНЯ, тот призван – уже потому что он меня признает и в зависимости от того, как он это проявляет. В том и заключается великое революционное значение нашей долгой, упорной борьбы за власть, что в ней родится новый класс господ, призванный руководить судьбами не только немецкого народа, но и всего мира.

Эрих Фридрих Вильгельм Людендорф (1865–1937) – немецкий генерал пехоты. Автор концепции «тотальной

войны». С августа 1916 года – фактически руководил всеми операциями германской армии. После окончания войны близко сошёлся с Гитлером, принимал участие в Пивном путче, но вскоре разочаровался в нацистах и перестал участвовать в политической жизни в 1928 году.

Вместе с новыми господами возникает и новый социальный порядок – не путем умствования и экспериментирования, а благодаря одному-единственному историческому деянию. Мы переживем революционный переворот, свергнув старую власть и установив новую. Но господа марксисты ошибаются, если считают, что на место юнкеров придет „новая руководящая сила общества“. Это знак смехотворной трусости капитулирующей буржуазии, которая видит в лице пролетариев нечто вроде мистического мессии из нового учения о социальном спасении. Пролетарии в их сегодняшнем политическом значении – такой же симптом отмирания современного общественного устройства, как дворянство и буржуазия.

Я хочу сказать вам, партайгеноссен, о том, как будет выглядеть грядущий социальный порядок: будет класс господ – исторически сложившийся, созданный из различных элементов посредством Борьбы. Будет множество иерархически организованных членов партии. Они станут новым средним сословием. И будет большая масса безымянных, класс служащих, вечно немых, – все равно, были они прежде предста-

вителями буржуазии или дворянства, рабочими или ремесленниками. Их экономическое положение и прежняя общественная роль не будут иметь ни малейшего значения. Все их смехотворные различия сольются в едином революционном процессе. Однако ниже их будет стоять слой поработанных иноземцев, проще говоря – слой современных рабов. А на самом верху будет новая высшая аристократия, особо заслуженные и особо ответственные лидеры. Только так, в борьбе за власть и господство внутри народа и вне его, возникают новые классы – они никогда не возникнут благодаря конституции и правительственным декретам, как считают эти кабинетные грамотеи, вроде профессора Шпанна.

То, что сказал партайгеноссе Даррэ, я одобряю. Восток – наше большое поле экспериментов. Здесь возникнет новый европейский социальный порядок. И в этом большое значение нашей восточной политики. А в заключение я хотел бы сказать еще несколько слов. Конечно, в наш новый класс господ мы будем принимать и тех представителей других наций, которые имеют заслуги в нашей борьбе. Здесь я полностью согласен с Даррэ и Гиммлером. Но расово-биологическое – это всегда только ОДНА сторона процесса. Мы очень скоро выйдем за рамки нынешнего узкого национал-социализма. Партайгеноссен, мировые империи возникают на национальной основе, но эта основа очень скоро остается далеко внизу.

Таким образом, я прихожу к тому, что мы называем об-

разованием или воспитанием. С тем, что называется всеобщим образованием, необходимо покончить, раз и навсегда – это так же верно, как то, что все обсуждавшееся здесь никогда не омрачит мыслей простых партийцев. Всеобщее образование – это самый разлагающий и едкий яд, изобретенный либерализмом на свою же погибель. Для каждого сословия и для каждой его ступени существует только одно образование. Свобода образования – привилегия элиты и тех, кого она лично допустит к этой свободе. Весь научный процесс должен подвергаться строжайшему контролю и отбору. Знание – это орудие жизни, но не ее цель. Мы будем последовательны и даруем широким массам низших сословий благодарить неграмотность. Но сами мы освободимся ото всех гуманистических и научных предрассудков. Для этого я распорядюсь, чтобы во всех юнкерских школах, которые я намерен основать и через которые пройдут все будущие члены класса господ, читали „Евангелие свободного Человека“. Человека, который стал господином над жизнью и смертью, над страхом и суеверием, который овладел своим телом, своими мышцами и нервами так же хорошо, как людскими массами. Человека, который не поддается на искушения духа и так называемой свободной науки».

Антихристианин

Следующий разговор я запомнил до мелочей. Он произвел на меня неизгладимое впечатление. Именно тогда началось мое расхождение с национал-социализмом. Я начал понимать, каков он на самом деле и чем он хочет стать прежде всего. Я и теперь ощущаю атмосферу тесноты: запах новой мебели, пустоту завершившегося дня. Семейная теснота – и кочевая жизнь. Мелкобуржуазные замашки и революционные разговоры. Я и теперь слышу, как в соседней комнате флигеля играет нелепый, неотвязный Пуцци Ганфштенгель. Он как раз сочинил марш, который был благосклонно принят Гитлером. Он любил скрещивать собственные мелодии с темами из вагнеровских опер. Маленький диван, пара кресел, столы; фрау Раубаль, фрау Геббельс, Форстер, Геббельс, я. Позади нас – «фюрер», новоиспеченный рейхсканцлер. Он облокотился на свой письменный стол и перелистывал документы. Перед ним Юлиус Штрайхер и Вагнер из Мюнхена. Подавали чай, пирожные. Фрау Раубаль, во внешности которой было что-то материнское, пыталась завести непринужденную беседу. Мы расслабились. Фрау Геббельс, весьма не по-немецки накрашенная, прислушивалась к тому, что говорил Гитлер, и я тоже пытался не пропустить ни слова из беседы, которая происходила за моей спиной и занимала меня все более и более.

Ангелика (Гели) Мария Раубаль (1908–1931) – племянница Адольфа Гитлера

Было уже поздно. Гитлер пришел из кино. Показывали какую-то патриотическую ерунду, прославляющую Фридриха Великого. Мы как раз сидели наверху в рейхсканцелярии. Мы ждали его. Первым пришел Геббельс. Он сказал, что фильм просто великолепен. «Потрясающий фильм, это то, что нам надо». Через несколько минут вошел Гитлер. «Как вам понравился фильм?» – спросил Форстер вместо приветствия. «Ужасная дрянь. Его надо просто запретить. Хватит с нас этой патриотической халтуры». – «Конечно, мой фюрер, – тут же согласился Геббельс. – Слабая, очень слабая вещь. Нам предстоит еще большая воспитательная работа». Август Вильгельм, принц Прусский, который сопровождал Гитлера и вскоре попрощался с нами, непринужденно бросил: «Есть закон о дурном обращении с животными – почему до сих пор нет закона о дурном обращении с историей?»

Дату этого вечера легко установить по предыдущему дню. Он имел особое значение. Я обедал у Гитлера, с утра я делал ему доклад. Это был важный день, в этот день был учрежден пост имперского наместника. Пост, смысл которого заключался в подавлении сепаратистских устремлений, возникавших в федеральных землях. В Баварии ширилось движение за независимость, чрезвычайно опасное для национал-социализма. Если бы Бавария в свое время была настроена се-

рзнее, а ее кронпринц Рупрехт оказался решительнее, то баварская монархия навеки положила бы конец всем устремлениям национал-социалистов. И тогда возрождение Германии началось бы совсем с другой стороны и приняло бы совсем иные формы.

Наш ночной разговор начался с тревоги, вызванной подобным развитием событий. Озабоченность высказали оба баварских гауляйтера, Штрайхер из Франкена и Вагнер из Мюнхена. Именно Штрайхер и дал Гитлеру повод для длинного монолога. Я не слышал начала беседы. Я начал прислушиваться только тогда, когда голос Гитлера за моей спиной стал громче.

«Насчет вероисповедания: что одна вера, что другая – все равно. У них нет будущего. По крайней мере, в Германии. Итальянские фашисты во имя Господа предпочитают мириться с церковью. Я поступлю так же. Почему бы и нет? Но это не удержит меня от того, чтобы искоренить христианство в Германии, истребить его полностью, вплоть до мельчайших корешков. Итальянцы наивны, они могут быть христианами и язычниками одновременно. Деревенские итальянцы и французы сплошь язычники. Христианство не проникло им даже под кожу. Другое дело – немцы. Немец принимает все всерьез. Либо он христианин, либо язычник. Совмещать одно с другим он не может. Муссолини не нужно делать своих фашистов язычниками. Для них все равно, язычники они или христиане. А для нашего народа имеет решающее зна-

чение, будет ли он следовать жидовскому христианству с его мягкотелой сострадательной моралью – или героической вере в бога природы, бога собственного народа, бога собственной судьбы, собственной крови».

Герман Вильгельм Геринг (1893–1946) – политический, государственный и военный деятель нацистской Германии, рейхсминистр авиации, рейхсмаршал Великогерманского рейха (19 июня 1940), На митинге в 1929 году

После паузы он продолжил: «Хватит рассуждать. Старый Завет, Новый Завет, или даже просто Слова Христовы, которые предпочитает Хьюстон Стюарт Чемберлен – все это один и тот же жидовский обман. Все это одно и то же, и это не сделает нас свободными. Немецкая церковь, немецкое христианство – ерунда. Или ты христианин – или язычник. Совмещать одно с другим невозможно. Можно выбросить из христианства эпилептика Павла. Это уже сделали задолго до нас. Можно превратить Иисуса в благородного человека и отрицать, что он Бог и Спаситель. Это делали и делают снова и снова. Кажется, такие христиане до сих пор есть в Америке и в Англии; они называются унитарии, или что-то вроде того. Но все это бесполезно; они тоже не свободны от того духа, о котором мы говорим. А нам не нужны люди, которые таращатся в небеса. Нам нужны свободные люди, которые осознают и ощущают Бога в себе».

Тут Штрайхер или Геббельс подбросил какую-то реплику или что-то спросил – я не расслышал, что именно. «Вы не можете сделать Иисуса арийцем, это абсурд, – отозвался Гитлер. – То, что написано в „Основных положениях“ Чемберлена, – попросту говоря, глупо. Вы спрашиваете, как нам быть?»

Так я вам скажу, нужно не допустить, чтобы церковь делала что-либо кроме того, что она делает сейчас. Сейчас она шаг за шагом теряет свои территории. Как вы думаете: вернутся ли массы к христианству? Глупости. Никогда не вернутся. Представление окончено. Они не рухнут сами по себе. Мы им поможем. Пусть попы сами роют себе могилу. Они отдадут нам своего доброго боженьку. Они готовы отдать все на свете ради своего жалкого барахла, ради чинов и доходов. Что же должны делать мы? То же самое, что делала католическая церковь, когда отбирала у язычников их веру: брать все, что можно взять, и истолковывать в нашем духе. Мы возвратимся по тому же пути: в Пасху будем праздновать не воскресение Христово, а вечное обновление нашего народа; рождество станет рождеством НАШЕГО мессии – героическо-го и вольнолюбивого духа нашего народа. Вы полагаете, что эти либеральные священники, не верующие, а служащие, не будут учить в своих церквях от имени нашего Бога? Я вам гарантирую: они сделали Геккеля и Дарвина, Гете и Стефана Георге пророками своей веры – так же легко они сменят свой крест на нашу свастику. Вместо крови своего прежнего Спасителя они будут посвящать празднества чистой крови нашего народа; они примут плоды германской нивы в качестве святых даров и будут есть их в знак вечного единства нации, как прежде вкушали от плоти своего Господа. И когда все это случится, Штрайхер, церкви снова наполнятся. Конечно, если МЫ этого захотим, если там будет пропове-

доваться НАША вера. Но спешить с этим не нужно».

Отмеченный в первую мировую войну высшей наградой за храбрость, «Pour le merite», последний командор прославленной истребительной эскадрильи «Рихтгофен» Герман Геринг очень рано присоединился к Адольфу Гитлеру и его национал-социалистической партии. «Поступки, которые я совершаю, – заявлял Геринг о своей роли в захвате власти, – не заражены никаким бюрократизмом. Здесь мне не нужно заниматься справедливостью, здесь я должен лишь уничтожать и искоренять – и ничего больше!»

Искусный демагог доктор Геббельс, говоривший о себе, что он может играть на чувствах масс «как на пианино», еще в 1926 г. требовал, «чтобы мелкий буржуа Адольф Гитлер был исключен из национал-социалистической партии». Однако вскоре после этого он признал, что Гитлер – это тот «лидер, с которым можно завоевать мир»

Гитлер прервался. Фрау Раубаль спросила у меня что-то о моей семье, я не понял смысла вопроса. «Пусть покамест все идет своим чередом, – услышал я голос Гитлера. – Все равно оно не будет прочным.

Зачем нужно единое вероисповедание, автокефальная германская церковь? Боже мой, неужели вы не видите, что все это уже устарело? „Немецкие христиане“, Германская церковь, христиане-автокефалы, какое старье! Я уже знаю,

что придет им на смену. И в свое время я об этом позабочусь. Без собственной религии немецкий народ не устоит. Что это за религия, еще никто не знает. Мы ощущаем ее. Но этого недостаточно».

«Нет, – ответил он кому-то, – эти профессора и мракобесы, сочиняющие свои нордические религии, только вредят делу. Почему же я их терплю? Они помогают нам в разрушении – единственной работе, которая сейчас нам доступна. Они возбуждают беспокойство. А любое беспокойство плодотворно. Сама по себе их суета не имеет значения. Они помогают нам со своей стороны так же, как с другой стороны нам помогают попы. Мы вынудим их разрушить свои конфессии изнутри; они потеряют авторитет и превратят все в бледный и бессвязный набор слов. Удастся ли нам довести их до этого? Безусловно!»

Беседа сделалась тише. Геббельс пересел за наш стол. Ганфштенгель подошел ближе. Баварские гауляйтеры рассказывали о волне решительных протестов со стороны баварской католической церкви.

Пауль Йозеф Геббельс (1897–1945) – немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Геббельс выступает в берлинском Люст-гартене, 25 августа 1934 года.

«Эти „черные“ никого не обманут, – сказал Гитлер угрожающим тоном. – Их время вышло. Они проиграли». Что до него, то он бы никогда не поступил так, как Бисмарк. «Я католик. Так было угодно провидению. Только католик знает слабые места этой церкви. Я знаю, как взять единоверцев за живое. Бисмарк был глуп. Он был убежденным протестантом. Протестанты не знают, что такое церковь. Тут нужно жить народными чувствами, знать, к чему люди питают симпатию и что для них неприемлемо. У Бисмарка были лишь параграфы да прусские вахмистры. Поэтому у него ничего не вышло. Я же не стану ввязываться в „культур-кампф“. Какая глупость – допустить, чтобы „черные“ снова стали великомучениками в глазах бедных прихожанок. Но я все равно с ними разделаюсь – я вам гарантирую».

«В католической церкви есть некое величие. Господи, да ведь это учреждение простояло две тысячи лет! Вот чему стоит поучиться. Сколько изобретательности и понимания человеческой природы! Они знают своих людей! Они знают, где собака зарыта! Но их время прошло! И сами попы это понимают. Они достаточно умны, чтобы осознать это и не ввязываться в борьбу. Если они это сделают, я, конечно, не допу-

щу, чтобы они стали мучениками. Мы заклеим их как уголовных преступников. Я сорву с их лиц благочестивые маски. А если этого будет недостаточно, я высмею и обещу их. Я распорядюсь, чтобы про них сняли фильм. Да, мы сделаем фильм про историю „черных“. Пусть люди поглядят на весь этот бардак: абсурд, корыстолюбие, идиотизм, жульничество. Как они выжидают деньги из страны. Как они мухлюют наперегонки с жидами, как они занимаются кровосмесительством. Мы сделаем фильм таким занятным, что каждый захочет его посмотреть. Перед кинотеатрами выстроятся очереди. И если у благочестивых бургеров волосы встанут дыбом – тем лучше. Молодежи это понравится. Молодежи – и народу. Все остальные мне не нужны. Я вам гарантирую – если я захочу, я смогу уничтожить церковь за несколько лет – настолько она пуста, настолько обветшала и изолгалась вся эта религиозная дребедень. Один верный удар – и она рухнет. Мы уже сейчас можем поймать их на их общеизвестной страсти к доходам и благосостоянию. Поэтому мы имеем возможность договориться с ними мирно и без споров. Я дам им пару лет испытательного срока. Зачем нам ссориться. Они проглотят все, что угодно, лишь бы сохранить свою материальную базу. До борьбы дело не дойдет. Они уже чувствуют, чья воля крепче. Поэтому нам нужно пару раз показать им, кто здесь хозяин. И они сразу смекнут, откуда ветер дует. Ведь ОНИ не глупы. Церковь когда-то была силой. Теперь мы ее наследники. Мы – тоже церковь. Их время прошло.

Они не будут бороться. И я думаю, это правильно. Когда вся молодежь будет на моей стороне, в исповедальнях останутся одни старики. А молодежь будет поступать иначе. Я в этом уверен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.